

Глава 5: Я — защитница красивых женщин.

Цуй Ю Юань был расположен в западной части ванфу. Он находился в стороне, но в окрестностях было чисто и спокойно. Цюй Цин Цзюй держала за руку Му Цзинь в то время, как проходила через дверь, выполненную в форме полумесяца. Вход в Цуй Ю Юань стал виден. Мамы, которые охраняли дверь и распорядительница Цуй Ю Юань ожидали возле двери. Увидев Цюй Цин Цзюй, они быстро вышли вперёд с улыбками на лицах.

История об инциденте со кухонной прислугой уже распространилась по всем ванфу. В мгновение ока не осталось никого, что позволил бы себе не подчиниться ванфэй. Неужели они не видят, что даже ван е на стороне ванфэй? Это единственные слуги, которые осмелятся оскорбить чжуцзы?

"Нуби приветствует ванфэй», - мама, являющаяся распорядителем, вышла вперёд и глубоко поклонилась. Она заискивающе посмотрела на яхуан первого ранга: «Освежающая еда и напитки ждут вас внутри, ванфэй может войти и отдохнуть».

"Надеюсь, я не добавила вам хлопот», - Цюй Цин Цзюй слегка наклонила голову. Не обращая внимания на заискивающие улыбки охранников и распорядительницы, она грациозно вошла в Цуй Ю Юань.

Ванфэй была очевидно очень учтива с ними, но двое мам почувствовали, что ванфэй преисполнена благородства и ещё глубже склонились перед ней.

Цуй Ю Юань не был большим, но был полон других достоинств. Цюй Цин Цзюй внимательно осмотрела всё вокруг и её взгляд наконец упал на женщину в белых одеждах посередине двора. В её руках была флейта, а сама женщина была очень красива в своём белом шелковом платье с широкими рукавами, как будто недосыгаема для грехов смертных. Она не выглядела как хуакуй, которая раньше работала в публичном доме.

В первый раз Юнь Цин встретила ванфэй, которая не пользовалась, как говорили, благосклонностью ван е. Она думала, что это будет обычная женщина, но кто знал, что на ней будет останавливаться взгляд. Глаза феникса и брови, похожие на ветви ивы. Её волосы были уложены в фэйсянь, а украшения, которые она носила на голове, свисали между её глаз, контрастируя с фарфоровой кожей. На ней было надето платье с широкими рукавами цвета лунного света из парчи шу. Два украшения на её запястьях стояли больше, чем всё, что ей когда-либо принадлежало.

Это была дуань ванфэй, о которой столько говорили?

Мысли Юнь Цин остановились и она внезапно почувствовала себя хуже. Её пальцы сжались на флейте. Она мягко поклонилась. «Юнь Цин приветствует няннан ванфэй».

"Гунян Юнь Цин не стоит быть излишне обходительной», - держа за руку Су Цзинь, Цюй Цин Цзюй села за резной столик из красного дерева, который стоял под виноградными шпалерами. Она сделала глоток чая, который подавала маленькая яхуан: «Чай неплох».

"Воду для этого чая — это роса, которую я собираю каждое утро. И раз ванфэй сочла нужным сделать мне комплимент, мои усилия не пропали зря. Ван е также любит этот чай», - Юнь Цин сделала два шага вперёд и улыбнулась, когда отвечала.

Му Цзинь слышала, как к себя обозначала Юнь Цин и нахмурилась. Однако она увидела, что выражение лица ванфэй не поменялось и её собственное выражение лица вернулось к

прежнему.

Рука, в которой Цюй Цин Цзюй держала чашку, остановилась. Ванфэй поставила чашку на стол. Она использовала носовой платок, чтобы промокнуть уголки губ: «Я думаю, что гунян Юнь Цин знает, почему бэнь ванфэй пришла. Я не знаю, появится ли у меня возможность насладиться игрой гунян Юнь Цин на флейте». Она не хотела пить воду, собранную с цветов или травы. Кто знает, чиста она или нет.

«Ванфэй, я не единственная в фу, кто владеет музыкальными инструментами», - лицо Юнь Цин побледнело, словно она была унижена, пока смотрела на Цюй Цин Цзюй. «Навыки Юнь Цин невелики. Я не осмелюсь издаваемым мной звуком коснуться благородных ушей няннан ванфэй».

В тот момент, когда были произнесены эти слова, весь двор внезапно погрузился в тишину. Одна яхуан, которая обслуживала Юнь Цин заметно задрожала. Она хотела свернуться калачиком и боялась посмотреть в сторону Цюй Цин Цзюй.

Улыбнувшись тому, как отреагировала вторая сторона, словно она скорее умрёт, чем подчиниться, Цюй Цин Цзюй бросила платок, который она использовала, на стол. Одной тонкой рукой она поддерживала свой подбородок, а второй выбирала лучший кусочек печенья.

"Как ты смеешь!, - лицо Му Цзинь потемнело. - Ты просто хуакуй, которую подарили ванфу. Как ты смеешь так говорить с ванфэй? Ты, которая вышла из такого грязного места, не имеешь никакого представления о достойном поведении. Кто-нибудь, шлёпните её по губам».

Глаза Юнь Цин внезапно округлились. Она не верила, что ванфэй что-то предпримет против ней. Может быть, она испугалась, что ван е подумает, что не настолько она добродетельна?

До того, как Юнь Цин смогла закончить свою мысль, она почувствовала боль, которая обожгла её левую половину лица. Пощёчины ей отвечивала управляющая мама, которая всегда заискивала перед ней в прошлом. Юнь Цин закрыла лицо и воскликнула дрожащим голосом: «Как ты смеешь...»

"Гунян Юнь Цин, простите за оскорбление». Управляющая мама плакала, когда дала ещё несколько пощёчин Юнь Цзинь. Внутри у управляющей всё оборвалось. Сегодня она оскорбила Юнь Цзинь и, возможно, разозлила ван е, но если бы лона этого не сделала, она бы точно оскорбила ванфэй. Единственное, что она могла винить — это свою дурную удачу, из-за которой её послали служить здесь. Изначально она думала, что это будет выгодная должность, но кто знал, что ей придётся столкнуться с горкой правдой.

Красота лица Юнь Цин после нескольких пощечин изрядно поубавилась, особенно пострадал её макияж. Цюй Цин Цзюй подняла голову и подняла бровь: «Что ты делаешь? Бэнь ванфэй защитница красивых женщин». Закончив, она игриво посмотрела на Му Цзинь: «Му Цзинь, извинись перед гунян Юнь Цин. В прошлом я считала, что Инь Лю нетерпелива. Я не думала, что ты этому научишься у неё».

Люди низкого ранга молча склонили головы. Услышав, как ванфэй «распекает» гунян Му Цзинь, они не могли не думать о том, что это было избиение перед тем, как сказать, что она против насилия. Учитывая подобную стратегию, ванфэй нельзя было назвать деревянной личностью. Из всех деревьев она обладала схожестью с мягкой и гибкой ивой. Она позволила кого-то избить, и потом заставила их злиться на ветер за то, что он был слишком грубым, став причиной того, что ива случайно хлестнула кого-то.

Му Цзинь услышала слова Цюй Цин Цзюй и вышла вперёд на несколько шагов. В пяти шагах от Юнь Цин она остановилась и отвесила поклон: «Гунян Юнь Цин, пожалуйста, простите меня. Нуби оскорбила вас сегодня».

Юнь Цин оттолкнула в сторону старю поцзи, которая стояла перед ней. Она закрыла лицо одной рукой и ненавидящие посмотрела на Цюй Цин Цзюй: «Гунян Му Цзинь слишком серьёзно относится в происшествию. Вы важная персона при ванфэй. Юнь Цин обладает куа как более низким рангом и не осмелится обвинять вас».

Указательный палец Цюй Цин Цзюй нежно постукивал по столешнице. Услышав лова Юнь Цин, она подняла брови и улыбнулась: «Ван е чувствует привязанность к гунян Юнь Цин, так что она не может быть менее значимой, чем Му Цзинь, простая яхуан». Закончив, она разрешила слугам принести лечебную мазь. Увидев, что Юнь Цин ведёт себя так, словно была унижена, Цюй Цин Цзюй улыбнулась только шире: «Раз уж гунян Юнь Цин считает, что бэнь ванфэй недостойна услышать игру на флейте, нам не о чем больше разговаривать».

Управляющая мама, которую оттолкнули в сторону, тяжело выдохнула. Вести себя так с ванфэй было по-настоящему невежественно. Неужели Юнь Цин действительно верила в то, что ей отдана часть сердца ван е?

Лицо яхуан, которая стояла позади Юнь Цин, становилось всё бледнее и бледнее. После того, как Цюй Цин Цзюй высказалась, служанка так испугалась, что с громким звуком плюхнулась на колени. В этом ванфу положение ванфэй было наивысшим, не считая ван е. Не говоря уж о том, что отношение ван е к её госпоже было больше похоже на забаву с игрушкой. Даже если бы он действительно благоволил госпоже, ничего хорошего бы для госпожи сегодня не вышло.

"Сжальтесь, ванфэй, сжальтесь, - яхуан продолжала бить низкие поклоны, - гунян Юнь Цин не понимает протоколов ванфу, ванфэй, пожалуйста, сжальтесь».

"Цзянь Юнь, что ты делаешь?" - Юнь Цин закрывала своё лицо, но не проронила ни слезинки. Она упорно держала глаза широко распахнутыми: «Ты не сделала ничего плохого, почему ты на коленях!?»

"Гунян, пожалуйста, не говорите больше ничего», - яхуан, которая упала на колени, звали Цзянь Юнь. Она чувствовала отчаяние. Несколько дней назад её отправили прислуживать гунян Юнь Цин, и она предчувствовала, что поведение Юнь Цин создаст конфликт в ванфу. Это предчувствие, полное страха, висело в воздухе несколько дней, и конфликт действительно произошел. Обдумав ситуацию, единственное, что она могла сделать, это ещё дважды низко поклониться и умолкнуть.

Цюй Цин Цзюй вздохнула. Она видела, что Цзянь Юнь было всего тринадцать или четырнадцать лет. Может быть то, что эта яхуан уже долго пробыла в ванфу позволял ей яснее видеть то, что происходит, чем Юнь Цин. Она не хотела наказывать маленькую яхуан. Она отправила одну из своих яхуан, которые стояли у неё за спиной помочь Цзянь Юнь встать. Она не хотела больше смотреть на упрямство Юнь Цин и её демонстрацию добродетельности. Она сказала Му Цзинь, которая стояла рядом с ней: «Давай возвращаться. Раз Юнь Цин не нравится этот ванфу, то в будущем содержание Цуй Ю Юань будет ополовинено». Закончив, она указала на Цзянь Юнь, чей лоб кровоточил от низких поклонов: «Этой яхуан не стоит служить здесь. Бэнь ванфэй считает, что она достойно выглядит и может прислуживать в чайной комнате».

Услышав это, лицо Цзянь Юнь осветилось радостью. Теперь она будет одной из людей ванфэй?

Охваченная счастьем, она начала обильно благодарить ванфэй.

"В этом дворе сегодня очень оживлённо».

Услышав знакомый и всё же странный голос, Цюй Цин Цзюй оглянулась на дверь и увидела Дуан Ваня, который пришел с двумя тайцзянями. У неё было некоторое впечатление об этой двух тайцзянях, которое было извлечено из памяти Цюй Цин Цзюй. Они, Мин Хэ и Цянь Чан Синь были теми, кто напрямую служили Дуан Ваню. Они были обладали более высоким статусом, чем при Дуань Ване, чем Сяо Гань Цзы.

Цюй Цин Цзюй открыла рот и слышала, как Юнь Цин трагически воскликнула: «Ван е».

Это «ван е» было сказано мягким голосом, словно птица кричит, словно колокольчик звенит, и всё же в эта интонаций состояла на одну часть из привязанности, на две части из гнева, на три части из горя на четыре части из упрямства. Этого было достаточно чтобы пробудить жалость и нежность в том, кто это услышит.

Её губы изогнулись в улыбке. Юнь Цин жила как известная хуакуй. Неудивительно, что появился чиновник и подарил её. Обычные люди не способны выдержать кого-то, кто обладает подобными навыками. В своей прежней жизни она видела правду и ложь всех типов развлечений. С одного взгляда было понятно, что эта холодная и чистая гунян Юнь Цин действительно думает.

Хэ Хэнг слышал призыв Юнь Цин и мельком взглянул на неё, однако его взгляд был сосредоточен на Цюй Цин Цзюй: «Бень ван слышал, что Сяо Гань Цзы сказал, что ванфэй пришла сюда наслаждаться музыкой. Почему же не слышно музыки?»

Юнь Цин поняла, что что-то не так, и её выражение лица изменилось на ещё более жалкое, когда она взглянула на Хэ Хэнга. Кто знал, что в этот момент он будет смотреть только на ванфэй, а на хуакуй даже не взглянет.

"Это вина це, что она не знала наперёд, что ван е тоже придёт послушать», - Цюй Цин Цзюй подошла к Хэ Хэнгу и с жалостью посмотрела на опухшее лицо Юнь Цин: «Что может вылечить его?»

Хэ Хэнг наконец посмотрел на лицо Юнь Цин, которое было достойно жалости и сострадания. Он бессердечно сказал: «Раз она в таком состоянии, нет никаких причин восхищаться музыкой. Бен ван должен уйти». Закончив, он увидел лёгкую улыбку на лице Цюй Цин Цзюй и почувствовал, что её было слегка колеблет, заставляя его глаза болеть. Он добавил: «После этого, возвращайся скорее в чжэньюань. Бень ван всё ещё хочет поесть в обществе ванэй».

"Це никогда не забудет слов ван е», - Цюй Цин Цзюй легонько рассмеялась, а движения её глаз, казалось, были магнетическими: «Это ван е не стоит ничего забывать».

Хэ Хэнг не смог не коснуться этого колышущегося буяо перед тем, как улыбнуться и уйти. Выйдя из Цуй Ю Юань, он обернулся и ещё раз посмотрел на Цуй Ю Юань перед тем, как сказать Цянь Чан Синь и Мин Хэ: «Бэнь ван вспомнил, что видел прекрасно выделанный золотой луань в полёте на буяо в магазине. Пусть кто-нибудь доставит это в чжэньюань для ванфэй, чтобы развлечь её».

Цянь Чан Синь и Мин Хэ переглянулись и быстро согласились. Они оба были поражены тем, что поняли. В прошлом они видели, что личность ванфэй слаба и мягка. Только теперь они поняли, насколько ошибались. Её действия были одновременно жестокими и искусными.

Также они не могли предсказать того, что ван е на самом деле не разозлился и, кажется, дал полную волю ванфэй в том, как распоряжаться хоюань.

После того, как Хэ Хэнг ушел, Цюй Цин Цзюй посмотрела на Юнь Цин, чьё лицо имело насмешливое выражение. Ванфэй с улыбкой взяла за руку Му Цзинь и почти вышла со двора, когда сказала: «Бень ванфэй, как уже сказала раньше, разумный человек и защитница красивых женщин. Сегодня ты не проявила уважение к рангу, что было большой ошибкой, но, так как красивые женщины редки, на сегодня я тебя прощаю». Она лениво моргнула и перевела взгляд на управляющую мама: «В будущем вам стоит быть внимательнее к своим обязанностям в Цуй Ю Юань. Не смотря на то, что содержание Юнь Цин ополовинено, вы не можете пренебрегать ею».

Управляющая мама ответила согласием, но когда процессия ванфэй ушла, управляющая мама плюнула на Юнь Цин и громко объявила: «Почему бы вам не отвести нашу почтенную Юнь Цин обратно в её комнату. Она богиня, службы которой не достойна даже ванфэй. Мы, простые смертные, должны внимательно служить ей, чтобы ван е не наказал нас».

После этого объявления со всех сторон донеслись смешки. Ван е даже как следует не посмотрел на Юнь Цин ранее. То, что сказала управляющая мама, была на самом деле обманом.

<http://tl.rulate.ru/book/2684/69498>